

УЧИТЕЛЬСКАЯ ХАРИЗМА – быстрые крылья или тяжкий груз?

Александр Мурашов,
*профессор,
доктор филологических наук*

Кто такой современный учитель? Обратимся к проблематике его, учителя, становления, а оно определяется сегодня, с одной стороны, профессионально необходимым объёмом знаний и личностными качествами, способными активизировать процесс обучения. С другой стороны, уровень, характер и качество образовательной деятельности обусловлены социальным контекстом — позициями, на которых общество готово принимать учителя и ученика, многообразием целей, задач и условий, которые она выдвигает перед ними. Если абсолютно коммерциализировать образование, подчинив его законам рынка, — учитель окажется перед необходимостью формировать личность, противоположную его

собственному и старательно поддерживаемому в нём альтруизму, отрицанию биологических приоритетов (в то время как их культ навязывается в молодёжной среде), патриотизму — в противоположность воспитываемому на чуждых ценностях «человеку мира».

Традиционная педагогика, утверждающая в сознании будущих учителей гуманистическое как антитезу биологическому, духовное взамен «культы воинствующей плоти», культуросообразное в неременной связи с природосообразным, дистанцирует учителя от ученика, система предпочтений которого строится как раз на тех самых противоположных ценностных ориентирах. Они в своей совокупности определены естественными стремлениями личности — теми самыми, которые громогласно обслуживает сегодня аудио-, видеорынок и пресса, вбивая в головы наших питомцев, что

все люди — вовсе не братья, а братки, а София-Премудрость, искать которую призвана школа, — это просто одно из имён Соньки-Золотой Ручки.

Далёкий от стремления утвердить альтруистическое вопреки прагматическому, поскольку оба эти начала определяют потенциальную реализованность и успешность личности, я выступаю за то, чтобы педагог, усвоив базовые ценности и культурно-цивилизованные коды, оказался человеком, способным и социализировать ученика, формируя его адаптивность, известную конформность, создавая коммуникативные и сюжетные модели, с помощью которых тот преодолеет мешающее жить и самореализоваться; и внедрить ученика в контекст высокой культуры, но так, чтобы она не противостояла приоритетам прагматической цивилизации. Не обойтись при этом без «кризиса» — принятия базовых ценностей аудитории с последующей «прививкой» планируемых, но — уже с позиции человека, ставшего авторитетным, и даже, выражаясь «продвинутым» языком, «культовой фигурой». Это значит, что учитель, чтобы попадать словом в «яблочко», знает приоритеты подростков и молодёжи. Он слушает и оценивает и музыку Баха и Чайковского, и последние хиты; знает классическую, и — обязательно! современную литературу; владеет и молодёжным сленгом, и литературным языком; имеет представление и о коллизиях «Формулы-1», и о последнем «писке моды»: ведь убедить и внушить может не противник, и даже не полемист, а единомышленник.

Следует ли из этого, что формируется такой подлинно современный специалист... на ценностях социума, мчащегося подобно не соблюдающей правила иномарке, и подростков, упоенно пытающихся догнать «чёрный бумер»? — Следует. Но — в контексте ориентиров, что определяли и определяют духовное самовоплощение человека. Проблема в том, как найти точку соприкосновения альтруистической культуры и прагматической цивилизации, духовного и плотского, что из них окажется сущно-

стным, а что — бутафорией, имеющей облик естества. «Никто не видит моего лица — все видят лишь надетую мною маску», — с горечью замечал М. Монтень.

Важно, чтобы необходимость находиться одновременно в двух измерениях воспринималась не в качестве непреодолимого препятствия, а как естественный атрибут личности учителя. Такой атрибут был и будет всегда, но эту двойственность вуз или не увидел, или, увидев, старательно обошёл стороной. И два десятилетия назад учителя, оставшиеся на позициях духовных наставников, в лучшем случае игнорировались учениками. Те же, которые занимали позиции лидирующего («...А Пал Пальч сказал...», «А она так одевается!»), то есть становились «кентами в доску», фиксировались на этих позициях, лишённые мотивации что-либо менять в, казалось бы, удачно подобранной, но небезобидной и для них, и для обучаемых «Я-концепции», всецело ориентированной только на «здесь и сейчас», без учёта зоны ближайшего развития и развития актуального.

Задача современного учителя-практика и педагога-теоретика — исключить тот разрыв, ту пропасть между «школьными добродетелями» и личностными перспективами учащихся, которая сохраняется и обрастает разного рода «фенечками» и кумирами, подчёркивается «ручками-шпартгалками» и вышучивается в разного рода многотиражных «школьных маразмах». Ещё немного — и учитель решит, что он на самом деле то, чем его малюют издания, кассеты, диски, журналы для «продвинутых» на фоне всеобщей дебилизации! Чтобы не сорваться, сам учитель должен осознавать себя человеком востребованным, социально необходимым, успешным, в конечном счёте — представителем государства. Если учитель, наставник, обречён на ярлыки «обиженного», «неудачника», «аутсайдера», если его, еле переставляющего ноги по обочине, всё чаще обгоняют стремительные «джипы» и «тойоты» бывших учеников, причём отличники, как правило, незримой цепью

выстраиваются вслед за ним на обочине, — ни вуз, ни школа ничего не сделают. Если учитель обречён на роль неудачника, государство обречено на коллапс. А когда в погоне за природосообразностью как-то забыли о культуросообразности — о том, что выделило человека из животного мира, — сразу «всем воля вышла», но воля без культуры вылилась в разгул уголовщины, сметающий всё и всех: «А кто не с нами, тому не повезло»!

Не может быть свободным человек, которого не сделали человеком культурным. Или же это будет «свобода» армейского «деда» либо прибалтийского «пацанка», уверенного, что можно — всё, и чего нельзя, — тоже можно, а «базар по понятиям» — лучшая форма решения вопросов. После «стрелки», конечно: так быстрее и экономнее.

А. Гин, автор увлекательных педагогических сюжетов, рассказывает об одном школьном «приколе». Берётся монета, расплющивается под трамваем (её специально укладывали на рельсы), а потом, в школе, подкладывается под стул не особенно худенькой учительнице. Прямо под ножку стула, который жутковато поскрипывает под её весом. Среди урока дитя с невинным видом тянет руку: — Извините, я под вашим стулом монетку забыл!..

Ничего не подозревающая наставница приподнимается, из-под стула извлекается монета, расплющенная под трамваем, и сорванец (с той же маской непосредственности) демонстрирует её классу, к восторгу ребят и к ужасу заливающейся краской учительницы.

Как поступили бы вы, окажись на её месте?

Выбежали бы из класса? Принялись бы оправдываться, мол, «это не я, это стул»? Или начали бы орать на того, кто своими «приколами» срывает вам уроки? В любом случае урок себе сорвали вы сами. Будем учиться этого не делать.

Другая ситуация. Новая учительница (ещё вчера студентка Эля) вошла в класс и увидела во всю доску: «Елвира дура». Как поступить? Она схватила тряпку, но, подождав, взяла кусок мела и исправила ошибки:

— Чтобы самому не выглядеть дураком, не нужно делать ошибок. Дежурные, подготовьте доску к уроку!

Вопрос «Как поступить?» каждый решает по-своему. И много раз. Иногда верно найденное решение делает учителя лидером, а в других случаях — опускает до «аутсайдера», которому войти в класс с каждым разом всё труднее. Просто в первом случае учитель нашёл средство избежать конфликта, во втором — наоборот. Запомним: перед нами — дети, и одолеть их желание «идти на вы» — для нас дело чести — и профессиональной, и человеческой.

Воспитание лидера

На создание какого человека обращены усилия системы высшего педагогического образования? На создание какого учителя тратит силы нынешний директор? На воспитание лидера.

И все проблемы, о которых рассуждают не только в журналах и в монографиях, но и в очередях к более денежной работе, решатся сразу, если понять это и научиться им, лидером, себя осознавать. А значит — быть.

Технология достижения педагогического успеха? «Лидеро-ориентированность»? Может, и так. Профессия наша предполагает существование некоей харизмы, без которой перед классом нечего и появляться. А если с умильным присюсюкиванием повторять, вспоминая о молодости: «Учительница старая моя» или «Но жизнь — она особенный предмет...», — не будет конца надрыву и альтернативы выгоранию. Итак, технология.

Во-первых, войти в класс КРАСИВО, как на сцену выходит хороший актёр. Иными словами, уважая себя и не допуская мысли, что где-то можно сплеховать, — в одежде, в мыслях ли: актёр потерпит неудачу, а фехтовальщик будет

исколот, если предательскому сомнению позволит ослабить себя хоть на миг.

Во-вторых, вызубрить и отрепетировать начало. Пусть первые слова кому-то кажутся импровизацией, пусть другие, более пронзительные, увидят в них, наоборот, «фитиль», в свете которого мы их готовили (в нём упрекали Демосфена, но этот «фитиль», то есть подготовка, и сделал щедрого заика лучшим оратором Древней Греции), — нам важно, чтобы начало урока, классного часа, просто встречи с классом было хорошо известным и не вылетело из памяти даже в состоянии «аудиторного шока», который, кстати, испытывают самые опытные педагоги.

В-третьих, не заискивать перед аудиторией, но начинать сразу о том, что *невозможно* не слушать, будь это интригующие факты или неожиданные, но имеющие право быть услышанными суждения.

В-четвёртых, выработать покровительственную манеру речи. Не восторгаться слишком эмоционально, не смеяться слишком громко, не говорить слишком быстро (осмысливают сказанное — как раз в периоды молчания, во время пауз).

В-пятых, не перекриковать. Никогда и ни при каких обстоятельствах! Начинать — только в тишине. А если не удаётся, — ждать её с видом художника, оценивающего работу сына, который только взял кисть в руки. Не быть приятелем, но и не дидактом, церемонно сообщающим, куда впадает Волга.

В-шестых, с самого начала стать тем, кто уже является для ребят культовой фигурой. Молодые педагоги часто «играют» в своих недавних наставников: «Я вообразила себя ею, и всё получилось...» Ребята, затаив дыхание, смотрят на Аршавина? Слушают Диму Билана? Восторгаются прикидами Ивана Урганта? Значит, надо совместить футбольный напор, ди-джеевскую самоуверенность и эстрадное умение любить себя, без которого человека не полюбит никто. Это — начало урока. А если более глобально?

Стать «одним из». Бесплезно внушать подросткам ценности старой девы, а бизнесменам — преимущества развитого социализма. Вождём католиков может быть только католик, а не гугенот! Примите ценности и ориентиры класса. Даже если они заведомо «не катят», — примите! А потом, когда станете лидером, ведите на штурм таких высот, которые сначала были недостижимыми. Надо усвоить однажды и навсегда: возглавляет — свой, а не чужой. Помните, почему талантливо, но «не-своего» Барклая де Толли солдаты так и величали — «Болтай да и только»? Его заменили Кутузовым, и кричалка сразу сменилась: «Пришёл Кутузов бить французов!» Хоть никто его ещё и не знал. Но — «свой»!

Знать то, чем живут ребята, но — лучше, основательнее, полнее. И если они спорят, какая группа лучше, — «Легко!» или «Транзит», «Ногу свело!» или «Дискотека Авария», — они нам ненавязчиво предлагают роль арбитров, а сами ждут, можем мы ими быть (а значит, лидерами тоже) или нет (настоящие судьи — именно они).

Лидер у мальчишек — лучший футболист и знаток тяжёлого рока, у девчонок — модница и красавица (в том числе в результате умелого макияжа или беспощадной диеты). Мы предлагаем им решать *наши* задачи или анализировать *наших* персонажей, а значит, *их* кумиры должны быть известны нам. И тогда задачи и персонажи, как и кумиры, будут не «вашими — нашими», а — общими.

Не плыть против течения. В бизнесе есть понятие «тёплой аудитории», то есть такой, которая наиболее вероятно поддаётся рекламе, заведомо примет участие в том, что ей предлагают, расстанется с деньгами во имя обретения каких-то благ, о которых ей рассказывают. Такая аудитория есть и у нас, с неё мы начинаем восхождение на пьедестал. Не учат новичка общаться с лошастью, сразу пустив её вскачь! А вот «холодная» аудитория — это лидеры ребячьего мнения, ни за какие

коврижки не желающие уступать нам своих позиций. И тут нужно не «опускаться» их на глазах класса (мы же с ребятами не всегда, в отличие от них!), а использовать организаторские возможности и сделаться лидерами для них самих. Что этому способствует?

- Знание приоритетов: ученик парикмахера пойдёт за парикмахером, а музыкант, каким бы талантливым он ни был, ему без надобности.
- Умение заинтересовать: безразличие приводит к скуке, а лидер — не тот, кому скука прощается.
- Знание того, чем занять и чем вдохновить: это яркие сюжеты, остроумные суждения, умение состязаться на равных.
- Безусловное уважение. Но — старшего к младшему, знатока — к неопиту, человека, многое видевшего, — к тому, кто ещё вступает в жизнь.

Всегда иметь историю, факт, сюжет, которые могли бы привлечь внимание ребят. Это может быть и жизнь Евгения Онегина — но не в устах литератора. Рассказ о Варфоломеевской ночи — но не из уст историка, сообщавшего об этом на уроке. У кружков есть руководители, а наше призвание — лидировать, что труднее и реже.

Конечно, педагогическая «харизма», которую мы получили вместе с дипломом об окончании пединститута, всегда работает на нас, и этим мы можем себя успокаивать. Но сегодня диплома мало. Важно «войти в шкуру» ученика, посмотреть на мир его глазами — и всегда иметь ответ на такие вопросы (повторю, их ставит ученик, но — почти каждый!).

- Зачем мне то, что она будет рассказывать? В жизни это надо?
- А она умная — или её можно развести на непонятках? Или взять на дурика?
- Она на Толяна (возможны варианты) наехать сможет, если он заборзееет?
- А что она делает, если я напишу на перемене на доске о ней? Ну... Слово...
- Она своя или какая-нибудь Марья-Иванна? Вовочкой прикинуться?

Ответим на эти вопросы заранее, пока педагогическая харизма не улетучилась вместе со свободным временем. Сейчас ответим, чтобы

спокойно войти в класс, и в первых же словах прозвучали и сила, и решимость, и желание быть рядом.

Так кто же такой современный учитель? Это — лидер, педагогическая харизма которого проявляется так.

Учитель — человек живущий

Не выживающий и не существующий, а именно — живущий: право на достойную экзистенциальную самореализацию он получает вместе с педагогическим образованием. Учитель должен быть моделью для учеников, объектом подражания, а не носителем заведомо деструктивной деятельностной модели. «Человеком живущим» делает учителя и социальный престиж педагогической профессии, выражающийся сегодня в многообразии сугубо материальных атрибутов. Так, известно, что «трудные» подростки, причём самые ершистые, меняли отношение к учителю на прямо противоположное, мотивируя это так:

- А вы видели, как она одевается? Как художница!
- Наш классный был сегодня упакован лучше всех!
- Я первый раз увидел настоящий супербайк. Вот это учитель!
- У неё причёска — словно свой мастер в Голливуде.

Для студентов-историков одного из московских вузов в конце 1980-х годов декан был неоспоримым арбитром во всех делах, что они объясняли... наличием у него роскошной по тем временам «девятки», на которой он — единственный из преподавателей — приезжал в институт.

Сегодня учитель-неудачник, учитель-аутсайдер будет восприниматься как отрицательная и отрицаемая модель жизни, а каждое его слово — с противоположным подтекстом. Образ жизни учителя,

а значит, и материальные атрибуты этого образа должны быть достойны подражания — иначе оципанная харизма его не спасёт...

Можно ли всерьёз говорить о реформах, если доминируют учителя пенсионного возраста, которые, впрочем, моложе наглядных книг и пособий в библиотеках? Как представитель государства, формирующий его, государства, будущее, учитель не может бесконечно изыскивать аргументы, оправдывающие нищенское существование при интенсивной духовной деятельности; государство, уровнем жизни учителя заявившее ему о своей неспособности воспроизводить личностные ресурсы, подготовило психосоциальный коллапс.

Учитель — человек лидирующий

Это значит, что учитель не формально, росчерком пера, назначен «вождём», а принят самими ребятами в качестве ориентира и эталона. Важно лидировать не только на основании записей в дипломе (это лишь «руководитель»), но по единодушному выбору воспитанников. А это означает включённость в их среду, общение (не «я» — «вы», а «мы»), такие действия учителя, которые ученики воспринимают как востребованные ими самими. Быть лидером — значит:

- быстрее и точнее других ориентироваться в собеседнике, ситуации;
- уметь смотреть на мир глазами тех, кого он намерен возглавить;
- быть актёром, но и командиром; сообщать новое, но и вести диалог;
- видеть не таких ребят, которые перед ним сейчас, а таких, какими они будут завтра, если диалог состоится;
- знать предмет, а главное — как он придёт в жизнь ребят, что они обретут благодаря ему.

Важнейшие личностные качества лидера — уверенность, рождаемая компетентностью, и опора на мнение большинства — производное безостановочной деятельности аналитического мышления, достигающего рефлексивного уровня.

Педагоги и психологи говорят о «харизме», «факторе ИКС», ведь сегодня учитель и ученики не две противостоящие позиции, а единая; в этом синтезе учителю принадлежит роль лидера, и право на неё дают лидерские качества в их совокупности, признанные и подтверждённые рейтинговыми характеристиками. Чем ближе будущий учитель окажется к позиции «лидер», тем шире его сознание, точнее и актуальнее речевое воздействие на собеседника и взаимодействие с ним, основательнее знание современной культуры и подростковой субкультуры, высокомерное манкирование которыми самому эрудированному учителю никогда не позволит стать лидером.

Задача лидера — объективизировать мир, показать его многообразие, а одновременно — избавить ребёнка от растерянности, которой сопровождается разрушение эгоцентрических приоритетов, сменяющееся адекватным восприятием объективных явлений и предметов.

Лидер — это умение в каждый миг диалога оперировать сведениями, которые востребованы собеседником, но в ту же минуту и желанны, и неожиданны, формируют внимание и интерес. Коммуникативный лидер — это человек диалога, сентенции которого не всегда эквивалентны сказанным словам, но абсолютно соответствуют результатам речевого взаимодействия.

Сегодня усилия новоявленных гендерных психологов и «отвязанных» СМИ с культом «самцов» и «самок» акцентируют животную жестокость подростков, стремительно освобождая их от цивилизованных напластований и объявив культуру атавизмом. Вакханалия, всё ещё творящаяся вокруг, разгул мелкоуголовной шпаны и разнокалиберных чиновников, рождает своеобразные авторитеты, противостоять которым — суть назначения педагога.

Вслушаемся:

- Мы грохнули бабку: зачем ей мобила?
- У пацанов как? Кто понты кидает, того мочат все сразу... Это справедливо.

- Я ей: «Не задирай ногу! Я мужик — могу и не выдержать!».

Все высказывания прозвучали в людном транспорте, а последняя фраза произнесена 11–12-летним подростком, причём всерьёз.

Поразительны ответы подростков на вопросы об отношении к учителям:

- А что её бояться? Двойку она не поставит — можно выступить!
- Эту мы уважаем: даст по рогам, если чего...
- Она по-любому ничего не сделает — мы её не боимся.
- Он справедливый: один сачканул — огребут все, чтобы смотрели...

Прочитированные фразы обнаруживают, что, во-первых, в подростковой иерархии ценностей наиболее предпочитаем тот, кто потенциально может оказаться носителем зла; во-вторых, к своим одноклассникам подросток относится с позиции учителей предпочитаемых и прямо противоположно остальным учителям, которые «ничего не сделают».

Конечно, учителю, стремящемуся к лидированию, не избежать разумной жестокости, в том числе и потому, что, окружённые атрибутами тюремной субкультуры и социобиологическими императивами, тинейджеры склонны путать страх и уважение, силу и её семиотическую оболочку.

Вчерашний студент рискнул оказаться «суперзвездой» в огромной школе. Кстати, ещё и законодателем моды. Начиналось всё перед встречей с классом 30 августа...

Ребята узнали: у них новый классный руководитель, но он почему-то не пришёл. Когда другие классы, увлекаемые педагогами, ушли в школу за учебниками, шестиклассники сиротливо жалась к колоннам, стараясь понять, нужны ли они вообще кому-нибудь. Вдруг в облаках пыли показались два мотоциклиста. Сделав захватский вираж, они замерли как вкопанные и заглушили моторы.

— У нас друг пропал. Должны были встретиться на полуострове. Найти не сможете?

Родители (их было трое, они переглянулись, словно ничему не удивились) неожиданно за-

явили, что искать друга надо всем вместе, и они тоже пойдут с ребятами. Директора предупредили: вернутся через... Ну, приедет новый классный — позвонит. И они прибегут сразу, тем более что полуостров совсем рядом. А дальше начал разворачиваться захватывающий сюжет...

На реке, где полуостров, откуда-то взялись пираты. Они, как выяснилось из странной зашифрованной записки (её нашли в бутылке, она покачивалась на волнах), решили сделать третьего байкера, пленника, своим капитаном, и куда-то уплыли. («Интересно, куда и на чём? Коза эту речку вброд перейдёт, хвоста не замочив!») Но отчаяние парней-мотоциклистов было столь велико, что ребята решили помочь разбить замысел пиратов. Для этого предстояло: а) найти клад (старинный манускрипт, место которого было обозначено на карте, тоже зашифрованной, и вроде даже старинной, но в одном месте предательский след оставил маркер); б) отыскать все пиратские «захоронки», закопанные в лесу; в) пройти пещеру-лабиринт (и никого уже не смущало, что это всего лишь верёвки, протянутые между стволами). В конце концов, ответив на самые мудрёные вопросы по географии, культурологии (кто бы знал, что такие слова есть!), истории, ребята услышали:

— Ну вот мы и познакомились! — На поляну вышел тот самый парень-мотоциклист, которого «искали», чтобы вырвать из рук пиратов, решивших сделать пленника капитаном. — Вы сделали всё, чтобы я остался здесь, а теперь идёмте за учебниками. Я ваш новый классный руководитель. (К тому времени родители достали бутерброды, которые все и уплетали на обратном пути в школу.)

Сценарий этого дня был написан им, а «актёрами» были его друзья — артековские вожатые. Так началась большая дружба. И даже очки учителя превратились в предмет зависти, а «панкуха»

Практикум для учителя

Предлагаем своего рода практикум для учителей (и предмет рассмотрения на педсовете), чтобы определить, кто из них уже обладатель профессиональной харизмы. Рассмотрим глазами педагога такие ситуации.

- На доске мой портрет в облике ошипанной Жар-птицы.
- Доска аккуратно натёрта свечкой: не напишешь ни слова.
- Весь класс не поднимается мне навстречу, делая вид, что меня нет.
- Идёт «морской бой»: летают воздушные шарик (или что-то их напоминающее, но более интересное детское воображение), которые наполнены водой; то и дело слышится треск разрывающихся «снарядов».
- Летают книги; одна, пущенная с демоническим расчётом, со свистом пронеслась у меня перед носом. Если бы я не помедлила...
- Объявление на столе — «Не трогать: заминировано!» с подозрительными проводами, вьющимися из-за окна. Десятиклассники разместились на подоконниках и с любопытством ожидают моей реакции.
- На учительском столе разложено нижнее женское бельё, кокетливо надорванное в самых деликатных местах.
- Все мальчишки сидят в вульгарно-алых клипсах, с накрашенными в тот же цвет губами, а девчонки дымят сигаретами и пьют пиво...
- Доска исписана словами, которым позавидует «пьяный извозчик»; через каждые два-три слова — моё имя в нежной форме.
- Меня окружают добрые и милые мальчишки, улыбаясь и медленно сжимая кольцо, а девочек в классе почему-то нет.
- Скелет-пособие, стоящий в углу, недобро оскалится, а между его челюстями торчит аккуратно потушенный бычок.
- На доске надпись, сообщающая о моих не особенно высоких интеллектуальных данных.
- На столах нет учебников, а на моём столе — горсть пепла и записка: «Забрать все книги бы да сжечь». Я вспоминаю, что перед уроком я на стол положила ещё и журнал...
- За последними столами расположилась «братва» с ближайшей улицы, а класс заинтересованно жаждет увидеть мою спину...
- Прямо в классе у меня перед носом вырастает некто из ранее изгнанных и просит закурить...
- «Винти со своими базарами или иди к нам — по пивку!» — приветствуют меня акселераты из шестого «Б».
- Скажу слово — они начинают мычать, умолкаю — они тоже. Но стоит опять заговорить — снова мычание. И не поймёшь, кто...
- Мой стол завален мусором и исхожен: ботинки перед этим долго-долго натерли мелом. Я могу «не замечать», но сейчас...

Как поступят учителя, чтобы конфликт не стал между ними и профессиональным успехом?

в городке быстро заменилась отутюженными рубашками «под классного».

Случилось бы всё это, не окажись новый учитель автором интересного и необычного дня, не придумай он захватывающего сюжета с пиратами вместо обычного школьного сбора?

Учитель — человек играющий

Учитель преображается, стоя перед классом, отринув внешние заботы и проблемы; он ведёт партию, не имея право фальшивить и быть неестественным.

Изо дня в день повторяя хорошо знакомое, он строит сюжет урока так, чтобы вместе с классом идти к нему через преодоление проблем и решение задач, результат которых окажется для всех открытием. Сегодня востребован компетентный, взаимодействующий с классом, оптимизирующий, лидирующий учитель. И — играющий, поскольку творческое взаимодействие, сотворчество, креативность невозможны вне лицедейства. Правда, без репетиций и без кулис. А также без вызубренной роли и без аплодисментов зрительного зала.

Востребованный временем педагог — это лидер, умеющий смотреть на мир глазами тех, кого он ведёт за собой, и вовремя сообщить им то, что человека делает человеком. Часто приходится преодолевать себя, свои убеждения, идти вразрез с общепринятым. Вдумаемся: рынок ориентируется не на учителя, а на подростков, ведь их больше, это выгоднее! Зачем звать к размышлениям, если это «неходовой товар», а «весёлые картинки» разойдутся сразу, и некогда думать, возвышают они или уродуют, а главное — считать прибыль? Зачем решать уравнения, если можно открыть калькулятор? Зачем быть таким, как учитель, если со всем этим — на обочину, и не далее? На эти вопросы нужен ответ, ведь мы обращаемся к ребятам не с тем, что нужно нам для зарплаты, а с тем, что поможет им жить, и это вполне справедливо. Жить учит не дидакт, а лидер. Вот и пришло время им стать! **НО**